

Тажидинова Ирина Геннадьевна

"ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ...": ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ПОХОДЕ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В ЕВРОПУ

Статья дает представление о возможностях использования источников личного происхождения в исследовании повседневности периода Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено особенностям восприятия советскими военнослужащими культуры, быта и порядка повседневной жизни в странах Европы в ходе их "заграничного похода".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 200-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

прекрасное противопоставляется безобразному, красивое – «противному», а возвышенное воспринимается как символ и служит основой для создания величественных произведений в стиле классицизма:

«Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!».

Таким образом, анализ исторического документа XVIII века – «Поденной записки» Гавриилы Романовича Державина - позволил воспроизвести старинный образ Карелии не только в краеведческом, этнографическом, статистическом и экономическом, но и в эстетическом аспекте.

Список литературы

1. **Валицкая А. П.** Эстетика XVIII века. Просвещение. Россия // История эстетической мысли: в 6-ти т. / Ин-т философии АН СССР; Сектор эстетики. М.: Искусство, 1985. Т. 2. 456 с.
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 3. 297 с.
3. **Пименов В. В., Эпштейн Е. М.** Русские исследователи Карелии (XVIII в.): очерки. Петрозаводск: Гос. изд. КАССР, 1958. 194 с.

THROUGH THE PAGES OF DERZHAVIN'S "DAY NOTE": AESTHETIC ASPECTS

Irina Mikhailovna Suvorova, Ph. D. in Philosophy
*Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
suvormih@list.ru*

The author presents the aesthetic interpretation of Gavriila Romanovich Derzhavin's famous travel diary, which not only allows to see the history of Karelia in a new light, but also to analyze the author's thoughtful remarks and philosophical conclusions.

Key words and phrases: travel diary; Karelia aesthetic image; pleasant; beautiful; disgusting; ugly.

УДК 316.728+94(470)"1941/1945"

Статья дает представление о возможностях использования источников личного происхождения в исследовании повседневности периода Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено особенностям восприятия советскими военнослужащими культуры, быта и порядка повседневной жизни в странах Европы в ходе их «заграничного похода».

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война 1941-1945 гг.; комбатанты; письма с фронта; воспоминания; дневники; заграничный поход; страны Европы; быт; повседневный уклад жизни; культура.

Ирина Геннадьевна Тажидинова, к.и.н., доцент
*Кафедра социологии
Кубанский государственный университет
tajidinova@yandex.ru*

**«ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ...»:
ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ПОХОДЕ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В ЕВРОПУ©**

Приученные к мысли о том, что война будет вестись «на чужой территории и малой кровью», советские люди даже на волне ее трагического начала предполагали завершение боевых действий далеко за границами СССР. «Наш советский народ еще только начинает разворачиваться – развернувшись, он остановится на берегах Атлантического океана. Эта уверенность царит у всех партийных и беспартийных», – так записал 30 июня 1941 г. в своем дневнике житель г. Сочи А. З. Дьяков. И спустя неделю, все в большей растерянности от сводок Совинформбюро, тем не менее, держался той мысли, что «территория может быть освобождена с приростом» [1, с. 20-22].

Подобные настроения, вступающие в противоречие с реальностью, наблюдались и среди военных. Об оптимистичных прогнозах насчет скорого продвижения Красной армии за границы Советского Союза среди командного состава Крымского фронта весной 1942 г. говорит следующий фрагмент воспоминаний генерал-майора П. Л. Печерицы (на тот момент – начальника продовольственного снабжения фронта): «Как-то во время ужина в столовой Военного Совета зашел шуточный разговор о пути движения нашего фронта. Все

соглашались с тем, что “он будет двигаться по берегу до самого Рима”. Начали намечать комендантов крупных городов: Толбухина (он был начштаба фронта) пророчили на Бухарест, меня – на Софию, Давыдова – на Белград, а Мехлиса наметили комендантом Рима, имея в виду еще и идеологическую войну с папой римским. Как далеки эти прогнозы были от действительности!» [Там же, с. 221].

Глубокая вера советских людей в победу, их ратный и трудовой подвиг позволили осуществить коренной перелом в войне. Освобождение территории СССР еще не было завершено, когда Красная армия в ряде мест перешла государственную границу и приступила к освобождению стран Европы от фашистской оккупации. Свыше года около 7 млн воинов, выполняя свой интернациональный долг, сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли. Письма, дневники, воспоминания советских военнослужащих сохранили разнообразные свидетельства об их «заграничном походе». Эти источники разворачивают панораму жизни в европейских странах, какой она виделась советскому солдату. Они передают эмоциональные переживания, которые он испытывал при столкновении с «чужим» укладом и бытом.

В широком спектре чувств по поводу выхода за пределы СССР, который сам по себе был символически и горячо ожидаем, присутствовала и радость «открытия» неизведанных пространств. Санинструктор Н. Гирфанова делилась с другом: «Я всегда была романтически настроена, жаждала во всем увидеть приключение, а отсюда и желание путешествовать. Но Вы сами знаете, это почти невозможно, и поэтому я рада, хотя бы в связи с войной, посмотреть, что делается за рубежом» [5, с. 42]. Однако преобразиться в путешественника советскому солдату, продолжавшему свой боевой путь по странам Европы, было не дано. Ожесточенность боев, опасности, подстерегавшие буквально на каждом шагу (военнослужащие не без оснований опасались быть отравленными местными жителями, получить «нож в спину»), горечь пережитого – все это сказывалось на восприятии зарубежных стран. Политработник Д. А. Абаев писал: «В мирное время столько разговоров вели мы о заграничье. Будь она проклята...» [8, д. 1454, л. 136].

Факт нахождения «за границей» постепенно осваивался сознанием и вписывался в биографию. Гвардии старшина В. В. Сырцылин писал из Польши: «Я никогда и во сне не видал тех мест, откуда пишу. Все ново: и люди, и земля, и обычаи, и сам запах чужого края» [1, с. 115]. Впечатления накапливались, появлялась почва для сравнений. «За время войны я уже проезжаю третью нерусскую страну, и в каждой стране есть присущие только ей особенности», – отмечал в дневнике военный врач А. С. Шевелев [11, с. 264].

Поэт-фронтовик Борис Слуцкий замечал, что русский солдат более всего ощутил свою «возвышенность над Европой» в Румынии, поразившей обилием «промтоварных эрзаций» и борделей [9, с. 36]. Крайне бедной представилась Румыния кубанцу Ф. Ф. Кривцову, судившему о ней по тому, «как народ живет» [1, с. 184]. В душе А. С. Шевелева Румыния оставила впечатление «блестящего мыльного пузыря», где «блеск и помпезность снаружи, бескультурье и ничтожество внутри» [11, с. 264]. Однако П. Л. Печерице Румыния показалась, напротив, богатой страной. Он объяснял это тем, что Румыния «воевала за наш счет, а немец как союзницу не трогал. Войска прошли маршем и мало что тронули, разбитых городов мало» [1, с. 151].

Примерно такие же впечатления сложились у Печерицы о Венгрии, хотя он отмечал, что ее города пострадали сильнее. К тому же долгий постой войск в них имел свои отрицательные последствия. Настрой мадьяр по отношению к русским показался ему гостеприимным, заискивающим [Там же, с. 151-152]. По мнению А. С. Шевелева, Венгрия выигрывала сравнение с Румынией: значительно более высокий культурный уровень населения, стирание различий между городом и деревней (электричество в большинстве деревень, «культурная мебель»). Однако некоторое отличие стандартов в сфере обслуживания от тех, которых существовали в СССР, послужило поводом заподозрить в венгерской культуре какой-то существенный «изъян» [11, с. 265].

Венгрия была пятым по счету европейским государством из тех, в которых в течение семи месяцев побывал молодой солдат С. Баруздин. Уже послевоенная запись из его дневника, датированная 7 июля 1945 г., отразила настороженность в отношении населения этой страны: «Едем. Мадьяры нас не приветствуют и это хорошо. Ведь они воевали против нас». На устранение трений ушло несколько недель, и большую роль в этом, как можно судить, сыграло приобщение советских военнослужащих к местной культуре. Концерты артистов из Будапешта, просмотр в клубах мадьярских фильмов, участие в деревенских праздниках – все это положительно сказывалось на восприятии страны. С другой стороны, на улицах отовсюду звучали русские мелодии, а под наиболее популярные «Катюшу» и «Золотой огонек» мадьяры «даже умудрились танцевать». 4 августа автор дневника с удовольствием констатировал: «С каждым днем мы принимаем все больший вес в глазах жителей, и сейчас к нам относятся очень хорошо» [7, д. 38, л. 33-38].

Сохранилось немало зарисовок о пребывании в Австрии. Сотрудник редакции дивизионной газеты А. П. Поповиченко в своих воспоминаниях отмечал, что именно здесь расстался с одним из заблуждений о Западной Европе, которую представлял техническим монстром – скоплением заводов и электростанций, поглотившим окружающую природу. На удивление, в Австрии не обнаружилось ожидаемых дыма, копоти, чахлой растительности. Запомнились отличные асфальтированные дороги, красивые, благоустроенные города, но также лес, подходящий к пригородам, обилие дичи и цветов [8, д. 369 б, л. 34, 35].

«Солидность» архитектурных памятников Вены (хотя и сильно разбитых бомбежками), признаваемая П. Л. Печерицей, не смогла заслонить от него прохладного отношения венцев к советским войскам. «Плохой народ: угрюмый, неприветливый... Какой-то там корреспондент писал, что “легкомысленные венцы пустились плясать вальс Шопена, как только заиграла наша музыка”. Чепуха это! Город напоминает не освобожденного, а, скорее, побежденного», – свидетельствует письмо генерал-майора [1, с. 155].

Наиболее превосходные оценки у многих советских солдат и офицеров заслужила Чехословакия. «Ровные, как по линейке, улицы, крытые черепицей коттеджики. Асфальт, газ, электричество, радиоприемники, карандаши “кохинон”, удобные вагоны, в которых не бывает лежачих мест, автомобильные и пивоваренные заводы, но, самое главное, – люди: улыбающиеся и гостеприимные, милые и приветливые. Мы едем по асфальтовой трассе. Принарядившиеся девушки машут нам платочками, мальчишки сбегаются со спортивных площадок, чтобы постоять рядом с нами. Старики выносят нам маленькие рюмочки с виноградной водкой, и мы понимаем, что дело не в десяти или пятнадцати граммах ароматной жидкости, а в том, что души у нас одни, и мы чокаемся со стариками: “За Чехословакию! За Россию!”» [6, с. 215].

Лейтмотив многих писем советских военнослужащих, написанных из Польши, звучит так: «Странные эти поляки». Данное заключение вытекает из наблюдения повседневной жизни польского населения. «Ничего общего с русскими обычаями нет», – писал Э. И. Генкин. Конкретизировал: феноменально жадные, холодно вежливые. Определяя отношение поляков к советским солдатам, останавливался на «доброжелательно-пассивном». Объяснял это так: «Они нас очень боятся (не менее чем немцев); отсюда вытекает все остальное» [10, с. 277]. В то же время встречаются и свидетельства об искреннем, радушном приеме поляками советских солдат [4, д. 64, л. 6; 11, с. 242].

Впечатления о населенных пунктах Польши и их жителях весьма колоритны. Обычно отмечались такие привлекательные стороны в организации быта как аккуратность и чистота («в доме даже крестьянина»), хорошие дороги и ухоженная, украшенная цветами территория «почти у каждого дома», высокая «личная санитария» [2, д. 74, л. 66]. И все же немало бытовых обычаев для советских граждан оказывались чуждыми, а потому – раздражающими. Так, отсутствие бань («моются прямо дома») представлялось существенным поводом для того, чтобы назвать культуру поляков «отсталой» [4, д. 64, л. 5]. Большой странностью казалось обилие ларьков с водой, от которой «пахнет немцами» [10, с. 277]. Последнее замечание, как и ряд подобных ему в письмах советских военнослужащих из Польши, передавало ощущение, что уже там для них «отовсюду веяло близостью Германии».

Русский солдат входил в Германию как «судья» и «мститель», и отсюда вытекало напряженное ожидание этой встречи [10, с. 262; 11, с. 252, 259]. «Мне казалось, что на границе танк непременно должен во что-то упереться или подорваться. Но если сумеем ее преодолеть, нас уже ничто не остановит», – вспоминает танкист В. Н. Вишневецкий [12, с. 50].

В письмах советских военнослужащих из Германии и в их дневниках предстает тот общий фон, на котором разворачивались события последних месяцев войны. На страницах дневника Э. И. Генкина проходит череда картин: «в блеске пожарищ тени готических крыш», руины, «распяты» немецкие города. Все увиденное настолько ошеломляло, что автор смог сравнить это лишь с когда-то поразившими его кадрами кинофильма «Петр Первый», взятием русскими войсками г. Нарвы. Спектр чувств был настолько широк и противоречив (ужас, отвращение, опустошение), что он опасался за свое душевное здоровье. Наконец, записал: «Я в центре Берлина. Больше всего мне хотелось бы сейчас... удивляться! Не могу – разучился... Берлин распят. Распят страшно. Даже писать об этом не могу. Бой гремит. Вот он – за вторым домом. Лирика горит. Дым черный, смрадный. 1-е мая в Берлине» [10, с. 280, 283].

Находясь в 150 км от Берлина, минчанин Р. Штейнман сообщил подруге о том, что особых оснований для сравнений с родными местами нет. «Все здесь не так, как мы с тобой привыкли видеть. Дома с высокими острыми крышами из красной черепицы. Мебель стильная, а барахла и безделушек здесь награблено из всей Европы» [Там же, с. 182]. Грабеж как источник вещей в жилых домах немцев подразумевается или прямо оговаривается во множестве источников. Младший лейтенант М. М. Фуксман так и писал в письме родным: «Они подлые с головы до ног, от Гитлера до последнего немца. Жили все очень и очень богато, все европейское, награбленное» [11, с. 191].

Пытаясь суммировать собственные впечатления от пребывания на Западе, сержант И. И. Раппопорт выразил достаточно распространенное среди советских военнослужащих мнение: «Европа надоедает, хотя учиться есть чему». Есть смысл, полагал он, перенять «внешнюю культуру во всем» [Там же, с. 294]. Стоит иметь в виду, что многие советские военнослужащие – выходцы из деревень – по-настоящему познакомились с городским укладом жизни именно в Европе. Офицер-пехотинец А. З. Лебединцев вспоминал, что, вступив в провинциальный румынский город, он и его однополчане «впервые увидели быт и удобства городской жизни, о которых не имели даже понятия в своей сельской местности» [3, с. 202]. А крупные города «почти совпадали со средней мечтой о счастье и о “после войны”». Такова была, по словам Б. Слуцкого, румынская Констанца. «Рестораны. Ванны. Кровати с чистым бельем. Лавки». При этом он подчеркивал, что в большинстве случаев советскому солдату пришлось побывать «в довольно паршивой Европе, ее Пошехонье, с румынским бессапожем и венгерским безземельем» [9, с. 37, 44].

Следует учитывать, что высокие оценки уровня комфорта и жилищных условий часто были вызваны их контрастом с фронтовым бытом, в котором военнослужащие пребывали не один месяц, а то и год. Чистота и уют в домах, возможность сна в «гражданских постелях» – моменты, которые выделяются ими наиболее часто. Описывая постой в польской деревне, старший лейтенант А. В. Перштейн замечал: «Эти пару дней пребывания в деревне являются большим контрастом с моей жизнью за период с 14.01 по 3.02.1945. Это какой-то резкий скачок из худшего в лучшее. Если в период наступления иногда приходилось спать на ходу, используя 15-минутные привалы ночью, то теперь сплю в теплой комнате на перине...» [11, с. 253, 263].

В обиходе европейцев подмечалось то, что можно было сравнить с отечественным. Так, в Румынии и Болгарии бросилась в глаза острая нехватка обуви, не понаслышке известная советскому человеку. Естественно, привлекали внимание те вещи, о которых в СССР понятия не имели. Для москвича С. Баруздина открытием стал факт существования солнцезащитных очков, которые носили жительницы Будапешта [7, д. 38, л. 35]. И спустя полвека после Победы А. Лебединцев вспоминал обнаруженный в австрийском доме запас стеклянных банок консервированных овощей и фруктов с крышками, сделанными тоже из стекла. «Все надежно закупорено через резиновую прокладку... Просто, надежно и многократно можно использовать. Но у нас в стране в то время все эти продукты продавались из бочек. О стеклянной таре мы тогда и еще много лет позднее не мечтали» [3, с. 237].

Непривычным представлялся советским мужчинам обычай целования рук женщинам, о котором они сообщали с недоумением. Д. А. Кузнецов делился с другом: «Очень странно для нас, мужчины–поляки, когда здороваются, целуют женщинам руки» [4, д. 64, л. 6]. А генерал-майор Печерица даже описал жене забавный, с его точки зрения, эпизод, случившийся с ним на одном приеме: «...Были дамы одной державы с мужьями. Все англичане, американцы и др. дамам целуют ручки, а мы – даже если и подставляет для поцелуя, то только “ручка-емя”. В частности, и у меня так получилось – мне для поцелуя, а я вниз тяну. И смех и грех!!! Смотрел и думал – я бы даже нашим труженицам тыла не целовал бы, а крепко пожал бы руку за все их хорошие дела» [1, с. 154].

Б. Слуцкий обращал внимание на то, что сводки времен «заграничного похода» тщательно учитывали обратное влияние Европы на русского солдата. Очень важным было представлять, «с чем вернуться на родину “наши” – с афинской гордостью за свою землю или же с декабризмом навыворот, с эмпирическим, а то и политическим западничеством?». По наблюдениям Слуцкого, наиболее веским оказалось осознание несправедливости европейского социального уклада, гордое противопоставление ему [9, с. 35].

Отторжение вызывали, во многом, нюансы повседневного уклада жизни, однако выводы распространялись далеко за пределы бытовой сферы. «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, “где сначала грязь от рук остается, а потом лицо моют”, перины вместо одеял – из отвращения, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения» [Там же]. Личный опыт знакомства с реалиями жизни в европейских странах, происходивший в условиях непрекращающегося идеологического воздействия и контроля, нередко порождал сомнения в «хвальной прогрессивности западноевропейской цивилизации» [2, д. 74, л. 77].

В оценках советскими военнослужащими порядка повседневной жизни в зарубежных странах чувствуется известная предвзятость, и такое отношение имеет, с одной стороны, идеологическую подоплеку, а с другой, опосредовано причинами субъективного характера – физической усталостью, моральной опустошенностью, тоской по родной земле. Данные свидетельства несут в себе огромный потенциал информации не только о Европе военного времени, но, прежде всего, о том жизненном укладе, носителями которого являлись сами советские люди.

Список литературы

1. **Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения:** сб. документов / ред.-сост. И. Г. Тажидинова. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 240 с.
2. **Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).** Ф. Р-807. Оп. 1.
3. **Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.** Отцы-командиры. М.: Яуза, 2006. 608 с.
4. **Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).** Ф. 2157. Оп. 8.
5. **Письма с фронта. 1941-1945 гг.:** сб. документов / сост. Д. И. Ибрагимова, И. А. Мустакимов, Г. Н. Фаезова. Казань: Гасыр, 2010. 232 с.
6. **Рабичев Л. А.** «Война все спешет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М.: Аввалон, 2008. 560 с.
7. **Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).** Ф. 2855. Оп. 1.
8. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. М-33. Оп. 1.
9. **Слуцкий Б. А.** Записки о войне // Слуцкий Б. А. О других и о себе. М., 2005. С. 16-164.
10. **Сохрани мои письма...:** сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. М.: МИК, 2007. 320 с.
11. **Сохрани мои письма...:** сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, И. В. Бродская. М.: МИК, 2010. 328 с.
12. **Я это видел...:** новые письма о войне. М.: Время, 2005. 256 с.

“NOW WE KNOW WHAT ABROAD IS...”: PERSONAL ORIGIN SOURCES ABOUT SOVIET SOLDIER MARCH TO EUROPE

Irina Gennad'evna Tazhidinova, Ph. D. in History, Associate Professor
*Department of Sociology
Kuban' State University
tazhidinova@yandex.ru*

The author gives the idea of personal origin sources application in the research of everyday life during the Great Patriotic War and pays special attention to the soviet military men's perception peculiarities of the culture, life and everyday life order in Europe during their “foreign march”.

Key words and phrases: Great Patriotic War of 1941-1945; combatants; letters from the front; recollections; diaries; foreign march; European countries; everyday life; everyday way of life; culture.